

Зарадка Голубиной книги

Упала с небес книга. Звалась она «Голубиной» — от своей чистоты и небесной святости. Или «Глубинной» — от глубины заключенной в ней премудрости. Не смогли ее прочитать ни святые пророки, ни цари, даже древний царь-великан Волот. Удалось это только Давиду Евсеевичу — святому царю, гусяру и пророку. Говорилось же в книге о том, как начался наш мир: откуда пошли белый свет, солнце, месяц, звезды, заря, гром, ветер, откуда взялись сословия — цари, князья-бояре, крестьяне. И о том, что есть в этом мире самого святого и главного: какой царь над царями царь, какая земля всем землям мать, какое самое главное море, озеро, река, церковь, гора, камень, дерево, трава, зверь, птица. А еще о том, как боролись Правда с Кривою и где она, Правда,

подевалась в этом грешном мире. Подивились все мудрости Давидовой. А царю Волоту был вещий сон, и решил он отдать свою дочь за сына Давида — будущего премудрого царя Соломона.

Так пели те, кого на Руси издавна звали «каликами переходжими». Были то не просто нищие бродяги. Не попрошайки, которые не могли (или не хотели) работать и которым подавали из жалости да ради награды небесной. А странники, ходившие по святым местам. Во времена богатырские были то вовсе не калеки в нынешнем смысле этого слова. (Само слово «калика» — от латинского *caliga*, «дорожный сапог»). А люди сильные, вооруженные и зачастую не бедные — с увесистыми посохами, порой отделанными дорогой моржовой костью, с бархатными сумами, в железных шапках-шлемах. Ходили они целыми ватагами и сами могли кого угодно калеккой сделать. Такими увековечила их былина «Сорок калик со каликою». Калики, повидавшие мир, были начитаны и нередко вольнодумны. Даниил Паломник из Чернигова прославился в конце XII в. как писатель и даже стал героем былин. Он же, видимо, написал по дороге первый трактат о древнерусском язычестве. А Василий Калика, избранный в 1331 г. архиепископом вольного Новгорода, украсил Софийский собор вратами с апокрифическими изображениями и сочинил послание о том, как отважные новгородские мореходы будто бы доплыли до земногорая.

В позднейшие времена, когда кончились усобицы и набег степняков, странствовать стали в основном люди убогие да увечные. Лишенные физической силы, они сохранили силу духовную. Земных же богатств не имели, да и не хотели иметь. Это они создавали и исполняли «духовные стихи» — песни на религиозные темы. За это их в народе уважали и кормили. Одним из популярнейших духовных стихов и был «Стих о Голубиной книге».

Ученым не известен ни один письменный текст под названием «Голубиная книга». Или хотя бы под другим названием, но с тем же содержанием, что в стихе. Так была ли она, эта таинственная книга? А если была, то кто ее и когда создал? Был ли то православный, еретик или тайный язычник? Ибо с виду стих вполне православен: тут тебе Саваоф, Христос, гора Фаворская, Иерусалим-град... И в то же время его создатели словно бы не читали первой главы Книги Бытия.

О том, что загадочная книга существовала уже в начале XIII в., свидетельствует написанное в 1224—1237 гг. житие Авраамия Смоленского — ученого священника, которого при жизни объявляли еретиком, а после смерти — святым. Обвиняли же в ереси за то, что он читал «г'лубинныя книги». Апострофом здесь передано «титло», заменявшее в рукописи «ъ» («ер»). «Ер» в те времена означал полугласный звук, отчасти исчезнувший, отчасти перешедший в «о» («п'лькъ», «въстокъ»). То есть читать можно и «глубинные», и «голубиные». Однако в древнерусских индексах запрещенных книг

нет ни «Глубинной», ни «Голубиной» книги. Есть лишь некая «Глубина», но в числе книг дозволенных. Возможно, это Псалтирь, нередко именовавшаяся русскими книжниками «Глубиной» ради «глубины премудрости» царя-псалмопевца Давида. Или же поначалу Церковь отнеслась к православной вроде бы «Глубинной книге» терпимо, но затем обрушилась на сочинение, популярное среди вольнодумцев.

В 1760-х гг. «Стих о Голубиной книге» записал один из первых собирателей русского фольклора, загадочный Кириша Данилов. В первые издания его сборника стих, однако, не вошел. В поле зрения ученых это произведение попало в середине XIX в. Впервые его издал в 1848 г. известный собиратель народных песен П. Киреевский. Наибольшее же количество списков опубликовали в 1860—1861 гг. П. Бессонов в его капитальном издании «Калики переходящие» и В. Варенцов. То были романтические времена господства мифологической школы. Ученые осваивали неисчерпаемые богатства славянского фольклора, находя все новые следы славянских и общеиндоевропейских мифов. Сравнив духовный стих с Ригведой и «Старшей Эддой», «мифологи» сразу поняли: перед ними славянский космогонический миф, восходящий к общеиндоевропейскому и лишь слегка прикрытый народно-православной оболочкой. Именно так оценили «Стих о Голубиной книге» Н. Надеждин, А. Афанасьев, П. Бессонов, Ф. Буслаев. Более осторожны были Н. Тихонравов, А. Пыпин, В. Варен-

цов, И. Срезневский, А. Котляревский, указывавшие на возможную связь стиха с книжными апокрифами.

Затем настали другие времена — прозаические, буржуазные, — рухнуло крепостное право, разлагалась крестьянская община, хранившая вековое мировоззрение, шли либеральные реформы. В науке восторжествовала позитивистская «школа заимствований». Какая славянская мифология? О ней же почти ничего достоверного не известно. А значит ее вроде как и не было. Индоевропейская мифология? Это вообще одни реконструкции, сиречь фантазии. Лучше заняться серьезным делом: сравнивать фольклорные тексты со вполне осязаемыми письменными памятниками. Так рассуждали виднейшие исследователи духовных стихов А. Н. Веселовский и А. Кирпичников и автор первой монографии о «Голубиной книге» Л. Мочульский. По их мнению, в основе стиха лежат не языческие мифы, а славянские апокрифы, выросшие опять-таки на книжной христианской почве.

В 1960—1970-х гг. начинается новый расцвет изучения славянского язычества. В работах крупнейших славистов Б. А. Рыбакова, В. В. Иванова, В. Н. Топорова воскресают самые сильные стороны мифологической школы. Гораздо шире становится круг источников — письменных, археологических, этнографических. И вот уже в 1971 г. В. Н. Топоров, сопоставив «Стих о Голубиной книге» с целым рядом индийских, иранских, германских, средневековых европейских источников, сделал вывод: в основе их всех — общеиндоевро-

пейский миф о сотворении мира из тела космического гиганта. В 1978 г. тот же автор выдвинул интереснейшую гипотезу: не лежит ли в основе «Глубинной книги» иранский Бундахишн («Сотворение глуби») — зороастрийская космогоническая книга, созданная на основе несохранившейся части Авесты?

Традиции «школы заимствований», впрочем, тоже не умерли. В 1990 г. А. А. Архипов увидел в «Голубиной книге»... еврейскую Тору. На Руси якобы еврейское «сефер тора», «Книга Закона», поняли как «сефер тор», «книга голубя». Но как раз с Торой-Пятикнижием (хоть еврейским, хоть христианским) русский стих слишком расходится, чтобы отождествлять их. А В.Н.Топоров позднее вдруг попытался вывести «Глубинную книгу» из сочинений гностика II в. Валентина. Но запутанные мистические писания гностиков, рассчитанные лишь на «избранных», меньше всего способны были повлиять на фольклор.

И, наконец, совсем недавно появилась и уже выдержала два издания замечательная работа М. Л. Серякова «Голубиная книга — священное сказание русского народа». Обстоятельно, на высоком научном уровне, но вполне доступно исследователю доказывает: таинственная книга — языческий священный текст, замаскированный под христианский древнерусскими «двоеверцами».

По языческим понятиям, не было ничего плохого в том, чтобы наряду со своими богами почитать еще и чужих (на-

пример, греческого Христа) или отождествлять своих богов с чужими, лишь бы не отступаться полностью от веры отцов и сохранять уважение к ней. Христианство же видело в этом «двоеверие», явление худшее, чем само язычество. Тем более что дело здесь было вовсе не в плохом знании христианства. «Не токмо же то творят невежи, но и вежи попове и книжници», — с возмущением писал о почитателях Перуна и Дажьд-бога анонимный средневековый автор — «христолюбец и ревнитель по правой вере». Гениальный автор «Слова о полку Игореве», пронизанного языческим мировоззрением, вовсе не был врагом христианства: «поганый» у него — ругательство, прилагаемое к внешним врагам Руси. Тем временем в глухих лесах по Збручу все еще стояли священные языческие города, просуществовавшие до самого татарского нашествия, и галицкие князья не пытались устроить против них крестовый поход. В эту эпоху и жил один из «веж попов и книжников», знаток «глубинных книг» — Авраамий Смоленский (ок.1146—1219).

Авраамий происходил из знатной и богатой семьи. Отец его был приближен к князю. Сын, с детства больше всего любивший книги и церковное пение, после смерти родителей раздал имущество беднякам и ушел в монастырь. Начитанный, скромный и послушный монах, став священником, приобрел невероятную популярность в городе как проповедник и учитель. И вдруг на него ополчилось все смоленское духовенство. Авраамия схватили и потащили на суд, призывая

сжечь, утопить или распять на стене опасного «еретика». Единственным обвинением было чтение «глубинных [голубиных] книг». Смоленские «христолюбцы» готовы были дойти до глумления над Распятием. Однако на сторону Авраамия встали князь и светская знать. Хотя княжеский суд оправдал вольнодумца, Авраамия изгнали из города. Но вскоре случилась сильная засуха. Епископ тщетно правил молебны. В таких случаях, бывало, владык сгоняли с престолов. И архиерей взмолился к гонимому им «еретику» о прощении. После молитвы Авраамия засуха прекратилась, и он предстал в глазах народа могущественным святым. Умер Авраамий игуменом своего монастыря.

Так что же было в таинственных книгах, известных Авраамию? М. Л. Серяков убедительно доказывает: языческий текст «Голубиной книги», восходящий к общендоевропейской древности, существовал уже тогда, когда вещей Олег назвал Киев «матерью городов русских» (в стихе мать городам — Иерусалим, но мать землям — Святорусская земля). И христианизация текста началась уже в конце X—XI вв., когда святым покровителем Руси считался римский Папа Климент, умерший в ссылке в Херсонесе. С XII в. его в этой роли вытеснил св. Андрей. Загадочная книга «Глубина», поначалу терпимая Церковью, существовала уже в XI в. (упоминается в «Изборнике» Святослава 1073 г.). Вполне вероятно поэтому, что именно Авраамий Смоленский и придал «Голубиной книге» тот вид, в котором ее сохранили духовные стихи.

Возможно, знаком был с книгой и новгородский владыка-вольнодумец Василий Калика. По крайней мере, в варианте стиха, записанном на далекой Индигирке среди потомков новгородцев, вместо Давида выступает некий Калига.

Доработка текста, письменного или устного, продолжалась и позже, до XV—XVI вв. включительно. Предсказание, что конец света «при восьмой будет при тысящи», явно появилось не позже 1492 г., 7000 года от сотворения мира, когда все православные народы ожидали Страшного суда. Светопреставление так и не состоялось, зато католик Колумб открыл Америку, изменив этим судьбы мира. А слова о том, что в «Голубиной книге» «напечатано», — вставка, сделанная не ранее начала книгопечатания в России (1564 г.).

В дальнейшем мы будем называть «Голубиной книгой» несохранившийся письменный текст, а «Стихом о Голубиной книге» или просто «стихом» — донесенную до нас каликами переходящими устную версию.

Итак, языческая «Голубиная книга» была! Но разве были у славян-язычников книги и вообще письменность? Заметим, что отсутствие у народа письменности — вовсе не показатель какой-то дикости и тупости. Веды и Авеста долгие века бытовали лишь в устной форме, а кельтские друиды вообще принципиально не записывали своего учения. Славяне же долго до своего крещения имели письмо (на основе греческого), лишь усовершенствованное в IX в. Кириллом-Константином и Мефодием. Древнейший образец этого письма —

надпись на скромном лепном черепке III—IV вв. из селища Рипнев на Западном Буге. И это — имя божества: «Ладо». Известно и еще несколько подлинных славянских дохристианских надписей. (Поддельных, к сожалению, гораздо больше; чего стоит одна только коллекция «прилльвицких идолов» с безграмотными, порой непристойными «руническими» надписями, изготовленная в XVIII в. бронзовщиком Г. Шпонгольцем!) Ученые-профессионалы, увы, почти не занимаются ими, избегая всего, связанного с «сенсациями», да еще политизированными.

Письмо было, но были ли книги? Ближайшие соседи и сородичи славян — германцы примерно тогда же создали свои руны (на основе рето-этрусского алфавита), но употребляли их исключительно для коротких магических надписей и эпиграфий. «Эдда» была записана латиницей уже в христианские времена. А что же знаменитая «Велесова книга»? Как ее переводчик и исследователь¹, вынужден разочаровать всех почитателей этой талантливой и мудрой славянской книги. Она создана не в IX, а в XIX—XX вв., и не языческими волхвами, а русским антикварием А. И. Сулакадзевым и славистом-любителем, белоэмигрантом Ю. П. Миролубовым. Для пропаганды своих патриотических взглядов они избрали не лучший способ, но по крайней мере не искали корысти, как Шпонгольд. Доказательств же того, что в их руках побывал подлинный древний текст, увы, пока что нет. Но разве можно исключить из истории европейской культуры «Песни Осси-

ана» потому, что их создал не кельтский бард III в., а писавший под его именем в XVIII в. шотландский поэт Дж. Макферсон?

Но все же для того, чтобы сложить миф об упавшей с неба священной книге, нужно иметь книги или, по крайней мере, знать, что это такое. Христианские священные книги были известны славянам по крайней мере с середины IX в. Это русские Псалтирь и Евангелие, виденные Кириллом-Константином в Херсонесе, согласно его житию. (Русская Толковая Палея XV в. даже называет создателем славянской письменности херсонесского русина, а Кирилла — его учеником). Вполне возможно поэтому, что славянские волхвы уже тогда начали создавать в противовес христианскому — свое Священное Писание.

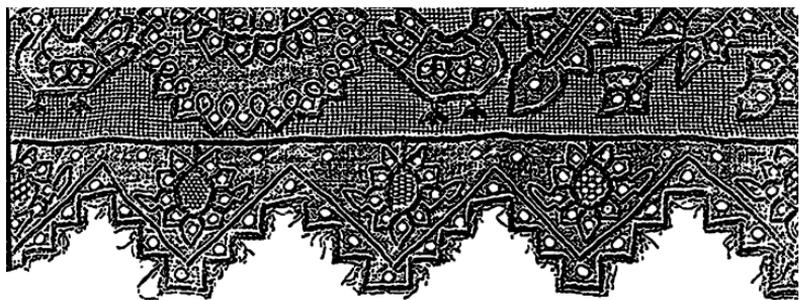
И тут следует вспомнить гипотезу В. Н. Топорова о Бундахишне. Эта книга, созданная зороастрийскими жрецами-мобедами в III—V вв., излагает Дамдад-наск — утраченную космогоническую главу Авесты. Сохранились два варианта Бундахишна: краткий («иранский»), строго ортодоксальный, и «Большой» («индийский»²), изобилующий фольклорно-апокрифическими мотивами. Могли ли славяне-язычники знать эту книгу? Во второй половине IX в. русские купцы регулярно ездили из Киева через Хазарию в Рей (нынешний Тегеран) и оттуда в Багдад, добирались даже до Индии и Китая. Об этом писал не кто иной, как арабский географ Ибн Хордадбех, заведовавший тогда почтовой станцией в Рее.

Среди Афанасиев Никитиных IX в. могли быть и волхвы. Другие арабские и персидские авторы тех времен говорят о неких русах, живших на побережье Дагестана и воевавших в VII в. с персами и арабами. Русская «Степенная книга» XVI в. упоминает о войнах Руси с персидским царем Хоздроем. Это Хосров I Ануширван (531—578) или Хосров II Парвиз (590—628). Серебряные сасанидские сосуды обнаружены в Перещепинском кладе на Полтавщине, зарытом в VII в. славянским князем или болгарским ханом.

Что же общего у «Голубиной [глубинной] книги» с Бундахишном? Прежде всего сама тема (сотворение и устройство мира), название, связанное с понятием «глубина», и вопросно-ответная форма (в Большом Бундахишне — Заратуштра спрашивает, Ормузд отвечает). Затем миф о создании мира из частей тела Бога (есть лишь в Большом Бундахишне). И, наконец, представление о главном звере, главной птице, горе, реке. Всего этого недостаточно, чтобы видеть в «Голубиной книге» простой перевод Бундахишна, но в таком подходе и нет нужды. Главное — сама идея «глубинной» книги (а не, скажем, священной песни), повествующей о происхождении и устройстве мира. Идея, общая только славянам и иранцам — в отличие от упомянутого мифа об изначальном первобоге-гиганте, имеющего общеиндоевропейские истоки. Но, чтобы заимствовать что-либо (не в порядке «обезьянничанья»), нужно обладать определенным культурным уровнем. Видимо, волхвы потому и заинтересовались иранской

книгой, что нашли в ней нечто близкое славянским мифам и верованиям. Особенно сближало славян и иранцев повышенное внимание к этике, понимание мира как арены борьбы Света и Тьмы, Правды и Кривды, поиски места человека в этой борьбе, путей достижения им чистоты и святости. Сами славянские термины «бог», «вера», «святой», «благо», «зло» и многие другие — иранского происхождения. Это сближение началось даже не в VI в., а много раньше, в скифскую эпоху, когда до славян, звавшихся тогда скифами-пахарями, докатились волны религиозной революции, вызванной в иранском мире Заратуштрой³.

Космогония и космология древних славян отразились не только в «Стихе о Голубиной книге», но и в апокрифах, колыбельках, народных легендах, заговорах. Со всеми этими интересными источниками, разбросанными по множеству малодоступных специальных изданий, и знакомит читателя наша книга. Приведены также родственные славянским индоевропейские тексты такого рода — индийские, иранские, греческие, германские, средневековые западноевропейские, а также типологически близкое китайское предание о первочеловеке Паньгу. Каждой группе источников предшествует вводная статья, раскрывающая их место в общей картине славянских представлений о происхождении и устройстве мира. Особое внимание, разумеется, уделено самой «Голубиной книге», чья удивительная судьба еще раз доказывает: рукописи не горят! Ибо сжечь можно пергамент или бересту, но не человеческую мысль.

Создание и устройство мира по Голубиной книге

Упала с неба книга, и не далась никому, кроме истинного царя-мудреца... Этот мотив русского духовного стиха больше всего напоминает сохраненный Геродотом скифский миф о Колаксаевых дарах. Упали с небес три золотых дара: плуг с ярмом, секира и чаша. Не смогли их взять ни старший сын первочеловека Таргитая Липоксай («Гора-царь»), ни средний — Арпоксай («Глубь-царь»): небесные дары тут же вспыхивали нестерпимым огнем. И лишь младшему — Колаксаю («Солнце-царю») — далось небесное золото. Он и стал первым царем скифов-сколотов.

Сколотский миф неоднократно исследовали индоевропейцы, иранисты, скифологи (особенно велика здесь роль прекрасного знатока религии скифов Д. С. Раевского). Устано-

влено, что три дара символизируют три сословия — производителей, воинов и жрецов. Обладание же ими означает власть надо всем социальным космосом. А три сына Таргитая воплощают не только три сословия, но и три мира: Колаксай — воинов и верхний (небесный) мир, Липоксай — жрецов и средний (земной) мир, Арпоксай — производителей и нижний (подземно-подводный) мир. Огненное же золото — воплощение богини огня Табиты, с которой Колаксай вступает в священный брак.

Выдающийся историк славянского язычества Б. А. Рыбаков, в свою очередь, установил, что данная версия скифского мифа принадлежала скифам-пахарям, т.е. иранизированным предкам восточных славян. А сколотские Таргитай и Колаксай — это славянские Сварог и Даждьбог. У славян этот миф сохранился в сказке «Три царства». Герой ее, младший из трех братьев, носящий «солнечное» имя (Иван Зорькин, Зоревик, Световик и т. п.) и рожденный на рассвете, вместе с солнцем, добывает в нижнем или верхнем мире три яйца, заключающие в себе три царства — медное, серебряное и золотое, а также трех царевен этих царств. Он женится на царевне золотого царства, а его братья — на двух остальных. (В индийском обряде ашвамедха эти же три металла и три царицы символизировали три сословия.) А немецкая легенда об упавшем с неба раскаленном яйце напоминает и русскую сказку, и сколотский миф.

Небесное золото, как видим, означало власть над всеми сословиями и всеми тремя мирами. А небесная книга — знание обо всем мире и обществе, то есть власть духовную. Заметим, что ни христиане, ни иудеи не считали свои священные книги упавшими с неба. (Кроме мормонов, верящих, что основателю их секты Дж. Смиту ангел принес с неба почитать золотую «Книгу Мормона».) Предполагалось, что земным авторам этих книг неслышно диктуют их Бог, ангелы или даже небесные животные. Только Моисею Бог вручил на горе Синай каменные скрижали с законами (не книгу). Но как раз о Моисее, Синае, Пятикнижии, десяти заповедях в стихе речи нет.

Небесная книга — не простая. Размеры ее огромны: 40x30x10 локтей или саженьей. Том величиной с целое здание! Писал ее сам Иисус Христос «на камне». Последнее можно понимать так, что камень служил либо письменным столом, либо писчим материалом. Тут вспоминаются не только Моисеевы скрижали, но и другой духовный стих, где с неба падает камень, заключающий в себе «Свиток Иерусалимский». «Свиток» этот известен и как письменный апокриф, излагающий христианские заповеди и писанный якобы рукой Христа. По западным источникам, при Иване Грозном будто бы упал с неба камень с надписью, предрекавшей гибель Русскому государству. В Китае есть подобные же сказания о падении небесного камня с астрономическим текстом либо с пророчеством о падении деспота Цинь Шихуанди. В основе всех

таких преданий об упавших с неба священных предметах, часто раскаленных — наблюдения над падением метеоритов. Трещины на них могли приниматься за надписи, находились и «знатоки», по-своему «читавшие» их.

Автор двух небесных книг — Христос. Евангельский Иисус, заметим, не написал ни строчки. Писали его ученики и ученики учеников. Но в христианской народной традиции Христос отождествляется с солнцем. Народно-православная же традиция легко отождествила Дажьдбога-Солнце, Божича, рождающегося в день зимнего солнцеворота, с младенцем Христом, Сыном Божиим. Вот почему падение «Голубиной книги», в отличие от обретения скрижалей, не сопровождается громом и тучей. Ведь создал и посылает книгу не громовник Яхве, а солнечный бог. Не похожа данная книга и на эсхатологическую небесную книгу за семью печатями, фигурирующую в Апокалипсисе и в апокрифе «Вопросы Иоанна Божьего Господу на горе Фаворской». Снятие с нее печатей — начало конца света. Создатели же «Голубиной книги» явно не собирались пугать народ гибелью мира, ибо писали не о конце света, а о его начале.

Иначе говоря: Дажьдбог на земле получил от своего небесного отца Сварога золотые дары, означавшие власть над миром и обществом (устроенным по подобию мира). Он же, пребывая уже на небе, послал людям книгу, дающую знание о происхождении и устройстве мира и общества. При том устройстве не простом, а справедливым. Ведь именно бог

солнца (Митра, Бальдр, Дажьдбог и т. д.) считался у всех индоевропейцев защитником справедливости в этом мире. Так же считали и семиты: месопотамский Шамаш — справедливый судья, а выражение «солнце правды» есть у пророка Малахии (4, 2).

Упала книга не в простом месте, а в самом священном: на горе Фаворской (Фагорской), у Алатыря-камня, у креста животворящего и главы Адамовой. Гора Фаворская и есть всем горам мать, а Алатырь — мать всем камням. Гора Фавор — место Преображения Христа — отождествлена здесь с Голгофой («холмом черепов») — местом его распятия. По преданию, тут, под крестом Христа, был погребен некогда череп Адама. (Отсюда — зловещий череп с костями, перекочевавший с икон Распятия на пиратские флаги и масонские атрибуты.) В свою очередь, крест Христов — вариант Мирового Древа (Древа Жизни), на котором висит бог, способный соединить все три мира, побывав на небе, на земле и в преисподней. В этом смысле Христос вполне соответствует Одину, висящему на мировом ясене Иггдрасиле. Или Дажьдбогу-Зоревуку (судя по сказке «Три царства»). Небесная книга, таким образом, падает в самом центре мира. Для христианского книжника довольно странно путать две евангельские горы. Другое дело — для волхва, стремящегося лишь перекодировать языческие термины на христианские.

И вот сходятся к таинственной книге цари с царевичами, короли с королевичами, бояре, попы, крестьяне — словом,

представители всех трех сословий (как три сына Таргитая к золотым дарам). Главных царей опять-таки трое: Константин (равноапостольный император, сделавший христианство государственной религией Рима), таинственный Волот (Волотоман, Волонтоман, Молотомин, Владимир, Володимер) и Давид Евсеевич. Никто не может прочесть небесную книгу. Главный пророк Исая и то прочел лишь три страницы за три года. И только Давид, царь и пророк в одном лице, способен прочесть и истолковать ее полностью. Ведь он «горазд сказать по памяти, по памяти, будто по грамоте». И вот раскрывается в диалоге Давида и Волота сокровенная мудрость.

Тут мы сразу попадаем в атмосферу споров не христианских, не иудейских, а чисто языческих. Что лучше — записывать священные тексты или учить их на память? Об этом спорили иранские мобеда еще в VI веке. Христиане же, кроме молитв и псалмов, никогда ничего на память не учили. Каноном мог быть только писанный текст, и попытка изменить либо исправить в нем хоть букву вызывала расколы и кровопролитие. Веками в славянском мире шла борьба за власть между князем и жрецами. Кем должен быть князь (царь) — волхвом или воином? Какое сословие должно стать первым — жрецы или воины? Подробнее об этом будет сказано ниже, а пока что лишь отметим, что «Голубиную книгу» сочиняли явно волхвы. Для них идеален не царь-воин (Колаксай-Даждь-бог), а царь-волхв.

Что же это за пара — Давид и Волот? Люди они или боги? И почему небесная книга излагается именно в диалоге между ними? Оказывается, излагать священное знание о начале и устройстве мира в форме диалога, цепи загадок и отгадок — древняя индоевропейская традиция. Она известна индийским брахманам (*брахмодья* — «рассуждение о Брахмане»), иранской Авесте, «Старшей Эдде», кельтским друидам. Отголосками ее являются и греческий миф об Эдипе и Сфинксе, и «трудные загадки» русских сказок, и философские диалоги эллинов, и космогонические апокрифы-диалоги. Но исконный индоевропейский диалог загадок — это не застольная беседа-симпозиум и не церковный катехизис. Это — состязание в мудрости, порой смертельно опасное. Ибо состязаться приходится богу или человеку с представителем древнейшей, часто грозной и злой силы. Так состязается иранский мудрец Йовишта Фриана со злым колдуном Ахтьей, Один — с великаном Вафтрудниром, Тор — с карликом Альвисом-Всезнайкой, Эдип — со льводевой Сфинкс (Сфингой). Проигравший платит жизнью, и гибель Сфинги или Альвиса знаменует закат древнейших богов, не способных более состязаться в знании с новыми богами и людьми.

Волот Волотович — один из древних великанов, волотовелетов. «Володимером» он зовется не просто по созвучию с именем крестителя Руси. Он — представитель, возможно, последний, могучей расы, когда-то владевшей миром. Были некогда, раньше богов и людей, великаны (титаны, гиганты,

ётуны, турсы, вайюги и т. д.), и больше их нет — вот главное, что говорят о великанах славянские, греческие, германские, кавказские и многие другие мифы. С ними связывали кости мамонтов, каменные топоры, древние курганы. Отношение к великанам у славян, как и у других народов, двойственное. В них видели предков нынешних людей. Верили, что предки наши были великанами, а потомки станут карликами. В Беларуси курганы называли волотовками, «Волотовы могилы» известны и на севере России. Под самым Новгородом находился курганный могильник Волотово поле. Самая большая насыпь принадлежала князю-старейшине Гостомыслу, деду и предшественнику Рюрика. В Померании онемеченные потомки поморян приписывали славянские курганы великанам. Белорусские волоты-асилки — могучие богатыри, защитники людей.

Было и целое славянское племя, носившее три гордых имени: вильцы («волки»), лютичи («сыны льва») и велеты («великаны»). Обитало оно во II в. в устье Вислы, позже — к западу от Нижней Одры. Почитали велеты воинственного Радигоста Сварожича (Дажьбога). Славянских великанов уважали даже германцы. «Сага о Тидреке Бернском» описывает тяжелые войны готов и гуннов с вилькинами-велетами. Князья последних нередко изображаются великанами. Датский историк Саксон Грамматик, пересказывавший по-латыни саги, часто называет великанов «рутенами» (русинами). Во французском эпосе фигурирует великан Фьерабрас («же-

лезная рука») Русский. Это — князь велетов Драговит, воевавший с Карлом Великим. У германцев слово «русины» явно ассоциировалось с немецким *Riesen* — «великаны».

С другой же стороны, великаны — существа агрессивные, порой враждебные. Асилки, например, могли и церковь вместе с людьми утопить. Великанами представлялись славянам и угнетавшие их в VI—IX вв. кочевники-авары (обрывы). «Были обрывы телом велики и умом горды, и Бог истребил их, не остался жив ни один обрив», — гласит «Повесть временных лет». Все же славянские волоты далеко не столь злобны и опасны, как германские тролли и ётуны, французские огры или кавказские вайюги.

Волот Волотович вовсе не зол. И не туп, как иные фольклорные исполины. Если он задает космогонические вопросы, то не потому, что не знает ответа (ему ли, из рода ровесников мира, не знать!), а потому, что хочет испытать мудрость своего собеседника. Кто же этот собеседник, царь Давид Евсевич?

Библейский Давид, сын Елисея — царь, пастух, победитель великана Голиафа, гусяр, поэт, пророк-шаман, скачущий перед ковчегом Завета. Сложенную им Псалтирь на Руси именовали «Глубиной». Ему хорошо соответствует славянский Волос-Велес, само имя которого ассоциируется с волотами-велетами и волхвами. Он — покровитель поэтов и певцов, притом певцов-волхвов. Велесовым внуком величает вещь Бояна «Слово о полку Игореве». Волос, кроме того, бог ско-

товодства («скотий бог»), земледелия (последний сноп — «Волосу на бородку»), торговли («скот» означало также «деньги»). Он еще и лунный бог: в чешских поверьях на луне сидит царь Давид и играет на гусях. Ему соответствуют индийский Варуна, германский Один-Вотан, греческий Гермес, римский Меркурий. Истоки же этого образа бога-шамана, хозяина зверей — в палеолите. Тогда на стене пещеры Трех Братьев был изображен пляшущий колдун в волчьей шкуре, с оленьими рогами. Во второй половине XII в. русские мастера, современники автора «Слова о Полку Игореве» и Авраамия Смоленского, высекли на стенах церкви Покрова на Нерли и Дмитриевского собора во Владимире грандиозные картины, построенные по древней схеме «мирового дерева». В роли дерева здесь высокие узкие окна храма. По их обеим сторонам стоят всевозможные животные, реальные и фантастические. Тут же и растения, и люди-богатыри. Взоры их всех устремлены ввысь. Ученые толковали это как прославление тварью Творца. Но наверху, над окном, восседает на троне не ветхозаветный демиург Саваоф, а святой гусляр Давид.

Еще одно воплощение Велеса — былинный Садко, купец и чудесный гусляр. Его игра перед морским царем может вызывать или укротить бурю. Путешествие удалого новгородца на дно морское — типичный шаманский полет в нижний мир. Там он находит себе и супругу — морскую царевну, нимфу реки. Напоминает эту былинку самарская легенда об Иване

Курчавом. Этот отчаянный парень-музыкант ушел на дно Волги за своей возлюбленной Мариной, утонувшей и ставшей русалкой. И водяной пообещал их отпустить на землю.

Есть и другие мнения по поводу языческого прототипа Давида Евсеевича. М. Л. Серяков видит в нем Сварога (Козьму-Демьяна) — бога неба, первочеловека, первого кузнеца и пахаря. Основанием служит то, что в былине «Вавила и скорморохи» герою помогают обыграть на гусях злого царя Собаку святые Козьма и Демьян. Но имя Вавилы опять-таки напоминает Велеса! Известный же своей буйной фантазией А. И. Асов увидел в Давиде Дмитриевского собора Дажьдбога, ухитрившись прочесть надпись «Дав(ид)ъ» как «Да(ж)б(ог)ъ». Впрочем, на троне Дмитриевского гусяра есть солнечный знак — косой крест. Вполне возможно, что и Сварог, и Дажьдбог не были чужды поэзии и музыке. Покровительствовал же этим искусствам греческий Аполлон. Но богом-волхвом, шаманом богов, богом певцов и поэтов у славян был в первую очередь Велес.

Итак, Волос против Волота, древний, но все же человекоподобный бог против великана. Здесь «Стих о Голубиной книге» более всего напоминает «Речи Вафтруднира» из «Старшей Эдды» и 17 руну «Калевалы». Один, бог-шаман, ведет космогонический диалог с великаном Вафтрудниром. Сначала отвечает бог, затем ётун. Ставка — жизнь. Проиграл великан, не сумев ответить на очередной вопрос бога. Карело-финский Вяйнямйнен, певец-шаман и языческий бог,

Содержание

Загадка Голубиной книги	5
Создание и устройство мира по Голубиной книге	13
Стих о Голубиной книге	101
Авраамий, святой-вольнодумец из Смоленска	131
Славянские космогонические апокрифы	151
Славянские космогонические легенды	219
Мир земной и мир иной в русских заговорах	301
Устроитель мира Егорий Храбрый	323
Космогонические мифы индоевропейцев и других народов	347
Примечания	425